

РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ЭНЕРГЕТИКА ИМПУЛЬСОВ*

Широко применяемое в историографии понятие «развитие» наиболее адекватно отражает изменения, происходящие в историческом знании. В объем данного понятия входят различные по интенсивности и глубине процессы, связанные с получением, фиксацией, передачей и использованием опыта изучения истории. В этом смысле речь может идти об энергетике, определяющей причины, форму, силу, направленность проявления импульсов, непосредственно влияющих на историографический процесс.

Исходя из обозначенной постановки проблемы, важно понять, какие показатели наиболее адекватно фиксируют процесс развития исторического знания. Нередко ответ на этот вопрос сводится к количественным характеристикам: число историков, публикаций, специальных периодических изданий, защищенных кандидатских и докторских диссертаций. При этом не учитывается, что это только видимая часть айсберга: гораздо важнее определить качественные «подвижки» в развитии исторического знания.

Возникает масса непростых вопросов, главный из которых — какие изменения в структуре историографии являются определяющими? В результате выявляется достаточно широкий круг составляющих. Развитие историографии — это появление *новых* исторических концепций, исследовательских школ и направлений; это — *«прибавление»* в корпусе исторических источников; это — *новые* исследовательские приемы, методы и методики. Но и это далеко не полный перечень, его можно дополнить другими не менее важными составляющими. По-видимому, речь может и должна идти о целостном исследовании процесса «продвижения» исторического знания, системном подходе к анализу как можно большего числа составляющих.

Бесчисленными нитями в единое целое связаны реальное историческое прошлое, документальные свидетельства («остатки») этого прошлого, историк и создаваемый им «образ» прошлого. Центральное место в этом «объективно-субъективном» сообществе

занимает историк. Именно он, реализуя свои творческие возможности, концентрирует энергию, улавливает сигналы, способные придать новые импульсы историографическому процессу. Направленность и результативность усилий историка в определяющей степени зависит от времени, в которое ему выпало счастье или несчастье творить. По мере развития историографии менялось положение историка в обществе, восприятие статуса истории как науки. Известно, что достаточно долго историописания воспринимались, даже элитарными слоями общества, как вид литературной деятельности. В античной, средневековой, возрожденческой культуре авторы, обращаясь к историческим сюжетам, больше думали о форме и стилистике повествования, чем о подлинности описываемых событий, достоверности полученных сведений. Даже в XIX в. для С.М. Соловьева его предшественники, создавшие первые труды по российской истории, были всего лишь «писателями русской истории»¹.

«Вписанная» в систему гуманитарного знания история все более приобретала неопределенность и расплывчивость, утверждалось представление об альтернативности наук о природе и наук о духе. Преодолеть этот углубляющийся разрыв пытались позитивисты, положившие начало нескончаемым «боям за историю», продолжающимся с переменным успехом до наших дней.

Динамичное состояние дискурса существенно влияло на изменение общественного сознания: периоды падения престижа исторической науки, как неспособной дать достоверного, строго проверенного знания, сменялись подъемом, возрастанием значимости истории, усилением историзма массового сознания. Именно в подобном состоянии общества наиболее выражены импульсы, способные обеспечить условия, создать фундамент для интеллектуальных, теоретико-методологических «прорывов». Несомненно, что для осознания этих сигналов («вызовов») и, более того, для адекватного ответа на них в обществе должен существовать набор соответствующих условий.

К внешним, по отношению к исторической науке, факторам могут быть отнесены ускоряющиеся темпы общественного развития, кризисное, экономическое, социальное, политическое и духовное состояние общества, осознание необходимости для

принятия новых решений, обращения к историческому опыту. В такой среде резко возрастает престиж истории, ее значимость осознается не только узким кругом специалистов, интеллектуальной элитой, но и явственно проявляется в историзме массового сознания.

Так, экономические сдвиги в Италии (начало XIV в.) вызвали не только значительные социальные, политические и культурные перемены, но и обусловили обновленческие процессы в самых различных областях научного творчества, в том числе, и в исторической науке. Гуманисты, увлеченные античностью, именно в ней пытались найти образцы, достойные подражания. Более того, Л.Бруни в предисловии к своей «Флорентийской истории» сформулировал своеобразный манифест, провозгласив полезность обращения к историческим сочинениям: во-первых, для приобретения навыков хорошего стиля; во-вторых, ввиду воспитательной ценности истории; в-третьих, вследствие того, что «разумному человеку приличествует знать, как возникла его родина, какое прошла развитие, и какие судьбы ее постигли», и, наконец, в-четвертых, потому, что знание истории «дает величайшее удовольствие»². При всем желании трудно дать более романтическую и, в тоже время, весьма прагматическую оценку роли и значения истории в динамичном, развивающемся обществе.

К факторам, действующим «извне», может быть отнесено влияние на историческое знание политических настроений и идей. В результате происходит слияние идеологического и научного дискурсов, что неизбежно приводит к деформации процесса исторического познания, к жесткой ориентации исследовательской проблематики в «заданном» направлении, к массовому появлению конъюнктурных работ. В наши дни это явление, зачастую, связывается с советской историографией. Однако, подобное положение отнюдь не столь уж редкое. Историк императорского Рима К. Тацит, с сожалением, писал о своем времени: «Правду стали всячески искажать— сперва по неведению государственных дел, которые люди начали считать себе посторонними, потом — из желания польстить властителям или, напротив, из ненависти к ним»³.

Предание отдельному явлению «общественного» значения способно коренным образом изменить историографическую ситуацию. В частности, в специфических условиях XVIII в., М.В.Ломоносову пришлось вести борьбу против «иноземного засилия» в Российской академии наук. Полемика затянулась на многие годы, «втягивая» в орбиту дискуссии всё *новых* исследователей, подталкивая их к поиску *новых* аргументов и привлечению *новых*, ранее не известных источников (археологических, фольклорных, лингвистических). При этом в полемическом угаре искусственно прерывалась научная традиция, легко «забывалась» существовавшая ранее система доказательств, а новая позиция «выводилась» с учетом выраженной политической ориентации. Ярлык норманиста стал не только знаком научной несостоятельности, но и «черной меткой», погубившей научную репутацию многих исследователей.

Побудительным мотивом для развития «молодых» историографий, находящихся в стадии становления и не имеющих еще «собственного лица», как правило, становился «всплеск» национального самосознания. Однако такой, казалось бы, позитивный импульс, дает далеко не всегда адекватные результаты. Реальная история народов, в первую очередь, младописьменных, лишенных возможности в письменных источниках фиксировать события своей истории, подменяется историописаниями, далекими от научных.

При таком подходе, пользуясь терминологией Ф. Ницше, заметно проявляются «монументалистские», мифологизирующие и «антикварные», анахронистические тенденции⁴. Историки, принадлежащие к первому направлению, романтизируют, возвеличивают прошлое, создают закрепляющиеся в общественном сознании мифы. В свою очередь, анахронистически настроенные историки представляют общество и человека мало изменившимися и решительно переносят современные оценки на историческое прошлое. При этом не учитывается, что люди как духовные и социальные существа неизбежно изменяются от эпохи к эпохе (и даже от поколения к поколению): изменяются их представления о мире, осознания ценностей, идеалы, обычаи, потребности, представления о существенном и несущественном в истории.

В современной российской историографии широко используются как те, так и другие формы искажения истории под флагом возрождения «подлинной» истории своего народа. Зачастую внимание исследователей сосредотачивается на наиболее «героических» событиях, тщательно отобранных позитивных фактах, способных удревить «свою» историю, произвольно повысить уровень общественного и политического развития «своих» народов⁵.

Все большее распространение получают такие, издавна известные в историографии явления, как умолчание и модификация. В первом случае, при аргументации выдвигаемых положений из поля критического анализа сознательно исключаются события и факты, «не поддерживающие» авторскую концепцию. Во втором, наряду с этим, умышленно модифицируются документы, приобретая «нужный» смысл. Более того, все явственней в национальных историографиях проявляется отчуждение от русской истории. Внимание исследователей концентрируется на «разъединяющих» процессах в истории: проблемах колонизации, колониальных войн, русификации, депортации народов и т.д. Такой подход сводит на нет позитивную энергетiku импульсов, срабатывающих «в холостую». В результате, утверждается «другая», перенасыщенная внутренним напряжением, но отнюдь не научная история. Нередко именно на этих «новейших» выводах строятся политизированные претензии на избранность и исключительность отдельных народов.

Есть и еще одна сторона проблемы. В последние годы историки обратили внимание на то обстоятельство, что в структурах повседневности потребность в историческом знании зачастую реализуется не через академическую науку, а через более близкие массовому сознанию формы культуры: обращение к семейным генеалогиям, семейным архивам, коллекционированию бытовых вещей и т.п.⁶.

Складывается на первый взгляд парадоксальная ситуация: новую ориентацию на историзм массового сознания, в первую очередь, «улавливают» журналистика, литература, искусство. Подобное явление в историографии зафиксировано еще в XIX в.: обостренный интерес к истории охватил широкие круги как

европейского, так и российского общества. Знаменем времени стало развитие нового литературного жанра — исторического романа. К историческим сюжетам обращались крупнейшие литераторы того времени: В. Скотт, В. Гюго, А. Пушкин, Ф. Купер. Историческая романистика, оказавшая значимое влияние не только на литературу и историографию, стала общественным явлением «Века истории». Увидев прошлое в той живописной подвижности, в какой его изображали писатели, люди были поражены: они совершили открытие еще одного нового света, «только находившегося не за океаном, а за гранью прошлых дней»⁷.

Подобная ситуация сложилась в последнее десятилетие в России: появилось огромное количество публикаций на исторические темы для «массового потребления». С одной стороны, они поддерживают интерес к истории, придают ему «всеобщий» характер, но с другой — порождают мощный пласт мифологизированной, «фольк-хистори», открывают простор для конъюнктурных, заказных публикаций.

В конце XX в. размышление современных интеллектуалов о прошлом, настоящем и будущем породили своеобразный бум антиутопий: Е. Замятин «Мы», О. Хаксли «Этот прекрасный новый мир», «Обезьяна и сущность», Дж. Оруэлл «Ферма животных», «1984» и др., переносящих в общественное сознание пессимистические представления об историческом прогрессе. Размах историографического бума буквально потрясал воображение. «С какой силой сейчас пишут. Все, кому не лень. Обо всем. И с какой безответственностью, — удивлялся А.А. Зимин, — пишут и пророки, и обличители, и философы, и моралисты. Воздух мыслей пьянит. Кажется, что ты все можешь и все знаешь»⁸.

В результате происходила интенсивная деформация не только массового исторического сознания, но и менялось отношение историков к истории как строгой науке, резко снизился уровень самоцензуры в исторических сочинениях. Проявилось это в бесконечном поиске метода, бездумном поклонении и подражании зарубежной историографии, падении интереса к историческому источнику и приемам его критического анализа. Трудно представить современного историка скрупулезно, с увлечением годами работающего в архивах и библиотеках. В оборот широко вошли

весьма своеобразные синонимы научной работы — «набрать материал», «сделать диссертацию», «скачать информацию». Кумирами становились не глубокие, вдумчивые академические ученые, а люди с удивительной легкостью рассуждающие на любые «околоисторические» темы.

Энергетика импульсов, влияющих на развитие исторического знания, непосредственно накапливается и в структуре науки. Этот процесс обусловлен состоянием науки в целом, логикой ее развития, «прорывами» отдельных наук как гуманитарного, так и естественного направления. Развитие философии в XVIII в. позволило историкам выйти на новый уровень познания исторического прошлого, освоить, перегруппировать и проанализировать огромные массивы накопленной за века исторической информации. Возникло новое направление исторического знания — философия истории («историософия»). Опубликованная в 1910-1913 гг. «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского была не просто оригинальной работой: она стала ответом на «вызов» времени, зафиксировав интеллектуальный прорыв не только в истории, но и в целом гуманитарных наук. Усилиями А.С. Лаппо-Данилевского и его последователей (Н.И.Кареев, Р.Ю. Виппер и др.) была кардинально переосмыслена система исторического знания, в результате сложился новый взгляд на задачи, приемы и методы исторического познания.

Историография как составляющая науки, по своей сути, относится к сфере культурной жизни каждого общества. И как любое общественное явление развивается в конкретном пространстве — времени. При всей общности основной линии заметно отличаются процессы развития исторического знания в границах национальных историографий: они имеют не только разную интенсивность, выраженную диахронию, но и различную историографическую практику.

В этом же русле лежит проблема изоляции или самоизоляции, определявшая продолжительные периоды развития исторического знания. На это явление обращал внимание еще В.О. Ключевский. В спецкурсе по методологии русской истории, отмечая существенные недостатки развития исторической литературы в России, на первое место, в числе других причин, он выдвигал недостаток контроля,

«уединенность» русской истории от «взора общеисторической науки»⁹.

В советское время эта тенденция приобрела гипертрофированный характер. Отечественная историческая наука не только существовала как бы сама по себе, в отрыве от мировой науки, но, более того, вынуждена была вести изнурительную для обеих сторон, тотальную борьбу с «буржуазными фальсификаторами истории». «Некоторыми считалось даже, — подчеркивает А.А. Искендеров, — что для советской исторической науки вообще не существует такого понятия, как мировой уровень развития науки»¹⁰.

Не менее сложную конфигурацию отражает развитие исторического знания во времени. Магистральная линия поэтапных изменений: зарождение, оформление в самостоятельное научное направление, усложнение, кризисные проявления заметно осложняются за счет «разрывов», прерываний линии развития, «уходов в тень», утраты и восстановления исследовательских традиций.

Историческая реальность представляет своеобразный ребус, для разгадывания которого не хватает усилий многих поколений историков. И в новом, XXI в., вопросы, а не ответы продолжают определять историографическую ситуацию. Реконструируя прошлое, историки вновь и вновь вынуждены признать, что в своем бесконечном многообразии это прошлое, как ускользающий фантом, не доступно нашему познанию. В лучшем случае, настойчивыми, профессиональными усилиями удастся восстановить фрагменты и по ним «додумать», мысленно представить общую картину прошлого.

Человек обладает способностью, а главное — потребностью вспоминать прошлое. Специфической особенностью исторической науки является то, что историки, как правило, непосредственно не встречаются с предметом своего изучения, а стремятся проникнуть в человеческое сообщество прошлого, используя исторические источники, особенно письменные, наиболее полно фиксирующие события или явления прошедших эпох.

Не ограничиваясь историческими данными, полученными в наследство от своих предшественников, историк упорно пытается

выйти за пределы достигнутого, выявить и заставить «заговорить» новые источники, извлеченные с полок архивов и библиотек. При этом нередко происходит полное или частичное отрицание накопленного исторического и историографического опыта. Интенсивность «исторического интереса» особенно возрастает в переломные периоды истории, отражая стремление «пересмотреть» сложившиеся представления в сторону их углубления за счет привлечения *новых* источников или *нового* прочтения уже известных.

Историческое прошлое представляет особый, весьма изменчивый объект изучения. Буквально на глазах изменяются концептуальные, предметные, ценностные позиции; методология научного исследования; корпус исторических документов, вводимых в научный оборот; социальная значимость истории и, в конце концов, сам историк. В результате, каждый раз, в сущности, изучается новое историческое событие, имеющее лишь типовое, видовое сходство с аналогичными явлениями прошлого.

Данное обстоятельство определяет характер «наращивания» исторического, и, в целом, гуманитарного знания. Новое знание, зачастую, не только не опирается на систему сложившихся представлений, но и в корне «подрывает» предшествующие наработки, казалось бы, незыблемые научные положения. Результаты творческих усилий историка напрямую зависят от его способности, оставаясь человеком «своего» времени, в то же время органично «вписываться» в изучаемое, нередко весьма отдаленное, время.

Историческое познание — это не только диалог современности и прошлого, но и познание народами друг друга. Человек способен выйти за пределы организованного им мира, более того, войти в культурные миры других народов. Именно в способности познать духовную жизнь других народов заложены широкие возможности восприятия импульсных толчков: проявляется возможность открыть себя другой культуре. В ходе взаимодействия происходит обогащение и корректировка духовной жизни, выработка защитных механизмов для «сбережения» национальной специфики. Так, великие географические открытия не только раздвинули границы всемирной истории, но и изменили картину мира, создали условия

для восприятия новой для европейцев культуры, собственного самопознания.

XX век стал временем острой критики абсолютных теорий и методов исторического познания. Историки оказались перед задачей «ломки» стереотипов в традиционном мышлении. В умах всех историков более крепло сомнение в универсальности приемов, применяемых в исследовательской практике, в возможности с их помощью адекватно отразить бесконечное разнообразие исторических явлений и процессов. Казалось бы, в устойчивых, «работающих» исторических концепциях, обнаруживались все новые ошибки и просчеты. Все более настоятельной становилась потребность синтеза идей и методов, выработки иной вариативной научной парадигмы, признание рациональности познавательного плюрализма. Конечно, речь идет не об усилении субъективистских позиций и представлений, а о возможности применения той или иной концепции, исходя из понимания, что каждая научная теория содержит рациональное зерно. Так, даже в ныне резко критикуемом марксизме таким рациональным началом стало соединение материализма с диалектикой — идеей, оказавшей позитивное влияние на общественную мысль.

Общественно-историческое развитие народов бесконечно разнообразно. Исходя из этого, даже в принципе не могут быть «выработаны» универсальные, всеохватывающие теории. В какой мере подобный синтез достижим, остается не вполне ясным, скорее всего, это «сверхзадача», к решению которой остается только стремиться, это горизонт, продвижение к которому порождает новые методологические проблемы. Но дискуссии и размышления в этом направлении, бесспорно, продвигают историческое знание, происходит осознание необходимости, тщательного анализа имеющихся философско-исторических теорий, мирового и российского историографического и источниковедческого опыта.

Различной силы и направленности импульсы накапливаются, проявляясь и в самом историческом знании, непосредственно влияя на типологию исторических сочинений, исследовательскую проблематику, характер вводимых в оборот источников, приемы и методы аналитической работы. Однако, этим не исчерпываются сферы влияния. Энергетика импульсов проявляется и в такой

«материальной» области историографии, как система подготовки кадров, наличие научных центров и школ специальных периодических изданий, архивов и библиотек.

Объясняя причины «рождения Клио» в Греции (VII-V вв. до н.э.), многие историки связывают это явление с динамизмом общественной жизни¹¹. В последние годы предпринимаются попытки с этих позиций рассмотреть и другие периоды развития историографии. Действительно, фактор «среды» оказывает выраженное, если не сказать определяющее, влияние, но не менее значимы «внутренние» импульсы, сила их проявления.

Нельзя не учитывать и многофакторность исторических явлений и процессов. Историки исследуют исторический процесс как составляющее изменений в социальной, экономической, политической и духовной сферах жизни общества. В свою очередь, каждое из этих общественных явлений, по существу, сложно и многофакторно и при исследовании влечет за собой целый ряд новых исследовательских проблем, активизируя познавательный процесс в целом. Именно поэтому в последнее время особое значение стало придаваться системному анализу.

Не менее выражены и результативны сферы взаимодействия истории и других гуманитарных наук. Зачастую весьма трудно понять, из какой области знаний поступают исходные сигналы, направленные на взаимодействие. В предисловии к «Текстологии», своему главному научному труду, Д.С. Лихачев высказал весьма важную для понимания взаимодействия наук мысль «...Текстология, — писал он, — и в своей теоретической, и в своей практической части — база литературоведения и исторического источниковедения»¹². То есть речь идет не о внешних формах взаимодействия и даже не об использовании исследовательских приемов и методов, а об общей теоретической базе двух самостоятельных наук.

С 80-х гг. прошлого века темой многочисленных публикаций и теоретических дискуссий стал так называемый «лингвистический поворот», знаковым проявлением которого было интенсивное использование в исторических работах источников литературного происхождения. При этом речь шла не только о признании активной роли языка, текста, нарративных структур в описании исторической

реальности, но и о заимствованиях на уровне теоретических и методологических идей и принципов. Не вдаваясь в подробности современной историографической ситуации, связанной с противостоянием многих историков идеям постмодернизма, важно отметить, что все большее число «непримиримых врагов» признают благотворное влияние взаимодействия, «близости» истории и литературы. Более того, именно в этом направлении лежат обнадеживающие перспективы развития новой культурной и новой интеллектуальной истории¹³.

Еще большее смятение в умах историков-традиционалистов вызвало применение математических методов в исторических исследованиях: в нашей стране первые публикации появились еще в начале 60-х гг. XX в. Особую роль в развитии этого направления сыграл И.Д. Ковальченко, создавший российскую школу квантитативной истории. С помощью применения математических методов и ЭВМ были проведены крупные исследования по аграрной истории России, истории социальных конфликтов, истории культуры, источниковедению. Новое направление стало не только ответом на «вызов» времени, но и реально действующим каналом научных контактов с другими национальными школами (США, ФРГ и др.). Международное сотрудничество историков—квантификаторов стало новым импульсом к взаимодействию историков с математиками, кибернетиками и информатиками, явившись реальным выражением развития комплексности в исторической науке.

Нередко полагают, что упрочение позиций квантитативной истории преследует цель превратить историю в разновидность «точных наук». Разрабатывая методологические подходы к данной проблеме, И.Д. Ковальченко подчеркивал, что математические методы в истории имеют свою сферу и пределы эффективного применения, «ограничиваемые как целями исследований и их научным уровнем, так и возможностями и спецификой математического знания»¹⁴. По-прежнему, серьезной атаке подвергается тезис о специфичности познания в истории (неразделенность исследуемого объекта и познающего субъекта). В историю все настойчивее внедряются «строгие методы», обращенные на изучение структур, типологий, моделей.

Главным итогом реализации так называемых «внутринаучных», встречных импульсов можно считать образование новых научных направлений на стыке двух (или нескольких) наук: квантитативная история, историческая антропология, историческая география, историческая психология и т.п. В то же время на другом «полюсе» усиливается внимание, и все четче проявляются границы предмета исследования таких научных направлений как история науки, история философии, история математики, история литературы и т.п. Встречные импульсы, действуя по достаточно сложным траекториям, не только не теряют потенциальной силы, а скорее приобретают её за счет накопленной в каждом из направлений энергии.

Развитие исследовательских направлений на «пограничных территориях» наук открыло, как уже отмечалось, новые возможности для установления контактов с другими национальными школами (Франция, США, Германия и т.д.), имеющими большой опыт разработки проблем «новой истории».

В работах историков обстоятельно исследовано влияние греческой историографии на римскую, средневековую, возрожденческую. Общепризнано влияние немецкой школы (XIX в.) на развитие источниковедения и школы Анналов (XX в.), определившей методологический поворот к «новой истории». В этих случаях есть все основания говорить о позитивной энергетике.

Но есть и другая сторона: сам по себе неизбежный и оправданный процесс научной специализации привел к «разрыву» органических связей, характерных для общественной жизни: историческая жизнь народов, богатая своими красками и проявлениями, стала терять свою целостность. Наряду с этим, нельзя не отметить, что в наши дни влияние западной историографии на российскую приобретает буквально характер эпидемии, распространяющейся со скоростью света. Более того, в углубляющемся забвении находится российское историографическое наследие, к нему крайне редко, почти стыдливо обращаются историки. В то же время большинство из нас готовы верить и цитировать любого зарубежного историка полностью, зачастую бездумно доверяя его аргументам и выводам. На эту удивления достойную особенность обращал внимание ещё

В.О. Ключевский, писавший, что «русский образованный человек... это мировой нищий: он вечно побирается и ничего не делает, у всех просит и никому ничего не дает»¹⁵.

Это не призыв к созданию нового «железного занавеса», тотальной критики и непринятия всего зарубежного. Речь идет о другом. П. Н. Милюков, ссылаясь на наблюдения В. Г. Белинского и Ф. М. Достоевского, считал особенностью русского национального характера способность усваивать импульсы извне¹⁶, но «усваивать» отнюдь не означает слепо и бездумно заимствовать.

История полна внутреннего напряжения «неизбежными» битвами: мировоззренческими, идеологическими, методологическими. Более того, в самой сути труда историка заложена состязательность: каждое новое поколение, хотя и стоит на плечах предшествующих, стремится шагнуть дальше, по-своему переписать историю. Это самоутверждение не только естественно, но и весьма заманчиво. Трудно смириться с тем, что труды историков прошлого плотными рядами стоят на полках библиотек, а для твоих работ не остается места.

Во многом от этих ощущений проистекает негативная энергетика современной историографии, замашки и позы «карающего архангела» многих «новых» борцов со «старой» историографической наукой. Предостерегая от этого «изъяна» в историографическом процессе, М. Блок писал: «... история — это обширный и разнообразный опыт человечества, встреча людей в веках. Неоценимы выгоды для жизни и для науки, если эта встреча будет братской»¹⁷.

Это та простая, но вечная истина, осознать которую крайне важно историкам, реконструирующим историческое прошлое, жизнь людей в этом прошлом и историографам, стремящимся проникнуть в мысли многих исследователей о причинах, импульсах многовекового развития исторического знания.

Примечания

1 Соловьев С.М. Писатели русской истории XVIII века// Соловьев С.М. Соч. В 18 кн. Кн. XVI. М., 1995. С. 188-259.

2 Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 242.

3 Историки античности. В 2 т. Т.2. Древний Рим. М., 1989. С.187.

- 4 Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни// Ницше Ф. Соч. В 2 т. Т.1. М., 1990. С.168-174.
- 5 См.: Бордюгов Г.А. «Свое» и «чужое» прошлое// Отечественная история. 1999. № 5.
- 6 Медушевская О.Н. Историк в динамике XX в. Способ доступа: URL: <http://www.conference.rsuh/med.htm>.
- 7 Шеуджен Э.А. Историография. История исторической науки. Майкоп, 1999. С.129.
- 8 Зимин А.А. Две цивилизации в истории России// Отечественная история. 2002. № 1. С.10.
- 9 Ключевский В.О. Методология русской истории// Ключевский В.О. Соч. В 9 т. Т.6. М., 1989. С.5.
- 10 См.: Вопросы истории. 1990. №1.
- 11 Ракитов А.И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982. С.40-41.
- 12 Лихачев Д.С. Текстология (на материале русской литературы X-XVII вв.). СПб., 2001. С.9.
- 13 Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории// Одиссей. М., 1996. С.25-37.
- 14 Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С.299,322.
- 15 Ключевский В.О. Неопубликованные произведения// Указ. соч. Т.9. М., 1990. С.331.
- 16 Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 2 т. Т.2. М., 1994. С.14.
- 17 Блок М. Апология истории или Ремесло историка. М., 1973. С.79.